

1.4. <Решение Комиссии, назначенной митр. Евлогием, и особое мнение о. Г. Флоровского и о. С. Четверикова>

Приложение 1-е

Акт Совещания Епископов Православных Русских Церквей в Западной Европе от 26, 27 и 29 ноября 1937 г., рассматривавших богословские мнения проф. С. Н. Булгакова о Св. Софии, Премудрости Божьей.

Совещание вторично слушало дело о богословском учении о. С. Б., которое было осуждено митрополитом Сергием и Карловацким собором епископов в 1935 году. В 1936 г. митрополит Евлогий учредил специальную комиссию. В том же году комиссия сделала доклад Совещанию Епископов, но Совещание не могло высказаться, ибо комиссия не успела окончить свою работу. Она продолжила свою работу, которая и теперь не окончена. И теперь не было достигнуто полного единогласия в ее мнениях. Однако, эти работы дают достаточный материал, на основании которого Совещание может вынести свои постановления.

В основу суждений Совещания был положен «заключительный доклад» председателя Комиссии прот. С. Четверикова. К этому был присоединен доклад члена Комиссии — архим. Кассиана, которому было поручено сделать более полную сводку всей работы Комиссии.

1. На основании всего указанного материала Совещание, в согласии со всеми членами Комиссии, признают возможным появление в Церкви новых мнений, раскрывающих и уясняющих догматы Св. Церкви, при соблюдении, однако, того неперемennого условия, чтобы это богословское исследование было согласно с общепринятым учением Св. Церкви.

2. Учение о Св. Софии прот. Б. имеет свое основание в Св. Пис. и В. и Н. Заветов (особенного Ветхого) и в св. Предании — в творениях св. отцов церкви.

3. Учение о. С. Б. о Софии, по мнению Совещания, расходится с творениями св. отцов, которые в большинстве, следуя 1 Кор. 23–24, почитали Св. Софию как второе лицо Св. Троицы. Правда, в некоторых немногих творениях св. отцов, у св. Феофана Антиохийского, также и Григория Богослова, это понятие прилагается к Духу Святому; правда и то, что наши древние русские софийские соборы в Киеве и Новгороде празднуют свои храмовые

праздники в Богородичные дни: Рождество Богородицы в Киеве, Успение — в Новгороде, чем как будто двойится церковное Предание. Но все же общее consensus patrorum относит это наименование и ко Второй Ипостаси.

4. Еще менее могут быть приняты и отвергаются Совещением употребляемые в его книгах о Софии выражения «о третьем бытии», посредствующем между Богом и миром, об единстве Софии божественной и тварной и в тоже время об отождествлении Софии с «усией» Бога. Все эти термины чужды учению Церкви и некоторые утверждают их зависимость от западных мистиков и Вл. Соловьева, хотя сам прот. С. Булгаков это отрицает.

Если же искать корней для софиологических воззрений прот. С. Б., то можно их усмотреть в библейском учении о Славе Божией, о промысле Божиим, или в учении св. Григория Паламы об энергиях Божиих. Во всяком случае Совещение, как и вся Комиссия, отвергает приписывание прот. С. Булгакову Карловацким «Определением» обвинения в гностицизме.

5. Упрекают прот. С. Булгакова в соприкосновении с лжеучением осужденного Церковью Аполлинария. Но в его извинение можно привести конкретное заявление одного члена Комиссии о том, что от влияния Аполлинария не свободно вообще восточное богословие.

6. Нужно признать также неудавшейся попытку прот. С. Б. софиологически разъяснить догмат Воскресения. Все трудности, связанные с этим догматом, остались у него неразрешенными.

7. Наконец остается неопровергнутым обвинение прот. С. Б. в неуважительном отношении к св. отцам. Конечно, учение св. отцов не есть Слово Божие, заключающее в себе абсолютную истину, — они допускали иногда даже неправильные мнения, однако нужно всегда помнить, что это не обыкновенная богословская литература, это Священное Предание.

Все указанные выше неправильные суждения прот. С. Б. не колеблют ли основ догматического учения Св. Церкви и не являются ли действительно ересью? По совести мы должны дать на это отрицательный ответ. Совещение, согласно с Комиссией, отвергает это тяжкое обвинение его в еретичестве не только потому, что сочинения о. С. Б. еще недостаточно изучены, что о них еще не было высказано авторитетного суждения церковной власти, но и потому еще, что это учение о. С. Б. еще не получило окончательной обработки. Преждевременно, поэтому, выносить тяжкие обвинения его во ереси.

Богословские мысли прот. С. Б. — это не горделивое противопоставление им своей доктрины церковной истине. Это скромное,

хотя и горячее искание ее. Это его личное убеждение, теологумены, которые он представляет на суд науки и церкви. Они ждут строгой всесторонней критики и, конечно, не являются ересью в точном историческом понимании этого слова.

Указанные ошибки и даже заблуждения о. С. Б. не заслоняют от нас больших заслуг его, как выдающегося богослова. Тема о Софии — его большая жизненная тема, она ставит великую и важную проблему, которую болеет о. С. Б. целую жизнь — об отношении Бога к миру... Будучи талантливым, выдающимся тружеником богословской мысли, увлекательным профессором, он, однако, никогда не позволяет себе «соблазнять единого от малых сих» — пропагандировать свои спорные идеи на кафедре Богословского Института.

Одно предлагает ему Совецание епископов: во имя того же опасения (?) «соблазнить единого от малых сих»... ему следует со всею тщательностью пересмотреть свое богословское учение о Св. Софии, в ясных, общедоступных формах разъяснить пререкаемые места своего учения, приблизить их к православному пониманию и изъять из них то, что порождает смущение в простых душах, которым недоступно богословско-философское мышление.

Приложение 2-е (Обратный перевод с английского)

Особое мнение

Доклад большинства членов Комиссии, назначенной для рассмотрения трудов прот. С. Булгакова мы считаем неприемлемым...

1. Богословские мнения о. Булгакова, как таковые, вызывают большие опасения независимо от обвинений, предъявленных ему в «Определении» Карловацкого Синода. В докладе большинства членов Комиссии они не отмечены. Доклад этот производит впечатление, что все в порядке и не о чем беспокоиться.

2. Однако в своих трудах о. Булгаков не только излагает особое учение о Софии, Божественной Премудрости, но также пытается перестроить на основании своего учения всю систему православного богословия. Поступая так, — что также признается докладом большинства Комиссии — он несомненно уклоняется от «обычного» толкования Церкви, учения Отцов и литургической традиции. При таком состоянии вещей каждый православный человек, естественно, задает себе вопрос: должен он оставаться в основном русле общего отеческого учения или следовать о. Булгакову? Правда, о. Булгаков старается установить или согласовать свое учение с доказательствами предания. Однако в его учении о Софии его

ссылки на Предание не кажутся удовлетворительными. Основной библейский текст — Притч 8, начиная с ап. Павла 1 Кор 1: 4; Кол 1: 15) всегда относился церковью ко Второму Лицу Св. Троицы, Богу Сыну. И в данном случае мы имеем дело не с отдельными Отцами, но с «*consensus patrorum*», обладающем высокой степенью авторитетности в делах веры.

Попытка смягчить расхождение мнений между о. С. Булгаковым и главным течением святоотеческого учения путем ссылки на факт, что в патристической литературе существует и иное мнение, не может быть принята в качестве убедительной. Во-вторых, это «другое» мнение, которое относит Притч 8: 22 к ипостаси Св. Духа, никаким образом не совпадает с учением о. Булгакова. Во-вторых, это мнение выражается в самую раннюю эпоху христианского богословия (II и III в.), когда общее вероучение Церкви еще не было определено окончательно. Начиная с IV в. все Отцы Церкви единогласно относят текст Притч 8 к Богу Сыну. Также далеко не убедительны ссылки о. Булгакова на литургическую и иконографическую практику, что было ясно установлено Комиссией...

3. Свобода «личного мнения» в богословии ограничена, во всяком случае, согласием Церкви. И расхождение мнений между отдельным богословом и Церковью не уменьшается от того, что он представляет это расхождение, ссылаясь на «личное мнение». Когда богослов выражает определенную мысль в качестве его «личного мнения», то он делает это только потому, что убежден в истинности своего мнения. Отсюда следует, что его «личное мнение» предположительно притязует на истинность, и как таковое, подлежит рассмотрению. Истина есть всегда истина, даже в качестве «личной». Иногда возможно оказать отдельному богослову снисхождение в том случае, если его «личные мнения» отклоняются от «обычного» вероучения Церкви, но именно в этих случаях необходимо объяснить ему существенные недостатки его «личных» мнений.

4. Комиссия ограничилась опровержением обвинения в гностицизме, направленного против о. Булгакова в связи с его учением о Софии, которая рассматривается в качестве некой живой сущности Бога... Этим учением о. Булгаков дает основания для обвинения в введении четвертой ипостаси в сущность Бога. Даже если этот упрек не оправдан, вина в этом лежит на о. Булгакове из-за туманности его учения о божественной Софии.

Целый ряд других обвинений, представленных в «Определении» остались без рассмотрения и ответа, тогда как объяснения самого о. Булгакова в его «ответе» несомненно недостаточны.

5. В связи с осуждением о. Булгакова наши церковные круги обнаружили непонимание основных начал веры и жизни церк-

ви. Одним любое определение церковных властей по отношению к богословам кажется недопустимым, так как принимается ими за попытку удушения мысли и угашения духа. Это означало бы, что в церкви нет никакого авторитета и что любое новое всегда лучше старого...

Несомненно, что осуждение о. Булгакова в Москве и Карловцах было поспешным и преждевременным, произнесенным без тщательного и детального расследования, а также без предоставления голоса обвиненному. Тем не менее, следует отметить, что независимо от какого-либо осуждения, имеются причины для того, чтобы иметь опасения и смущения по поводу взглядов о. Булгакова, не только потому, что они расходятся с церковным Преданием, но и потому, что они дают повод к всякому роду безответственных дискуссий относительно догматов веры, разлагающих православное сознание. Мы считаем, необходимым, чтобы богословские мнения о. Булгакова были всецело и внимательно рассмотрены для того, чтобы найти путь для авторитетного определения церковной власти по этому делу.

Г. Флоровский
С. Четвериков
6.VII.1937

Приложение 3-е **(Предается гласности впервые)**

«Ваше Высокопреосвященство!

С глубоким удивлением и скорбью мы ознакомились с указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Московского Сергия, содержащим осуждение богословского учения проф. прот. Сергия Булгакова. Так как о. Сергей является преподавателем основной богословской дисциплины — догматического богословия, — то мы воспринимаем осуждение его учения, как осуждение, затрагивающее достоинство Богословского Института и набрасывающее тень на всех нас.

На нас, как на профессорскую коллегию Института, налагается тяжкая ответственность в попустительстве и соблазне воспитываемых нами будущих пастырей православной Церкви. Однако, указ митр. Сергия наносит тяжкий удар не только о. Сергию Булгакову и Институту. Он ставит под угрозу самое существование богословской науки и высшей богословской школы.

1. После указа митр. Сергия нам приходится вновь поставить вопрос о праве исследований в области научно-богословских дисциплин. Вопрос не новый для православных богословов, но для нас

он до сих пор не существовал, так как Вы охраняли нашу научную свободу, а мы ею пользовались с сознанием полной ответственности перед Церковью, перед Вами и перед теми, кого мы подготавливаем к служению в Церкви.

Научная работа богослова выражается в форме исследования тех или иных богословских проблем. На путях исследований естественно возникают личные мнения и предположения, а иногда даже слагаются целые системы идей. Личные мнения ученого богослова не имеют, конечно, церковно-обязательного характера, напротив, обнаруживая их, он отдает их на соборный суд науки, а затем на суд всей Церкви. Отнять у богослова право исследования равносильно признанию того, что в православии не существует никаких проблем, и что все вопросы решены и догматизированы. Такая установка сама по себе предполагает произвольное и нецерковное догматизирование личных мнений прежних богословов, которые имеют только то преимущество перед нами, что они жили и высказывали свои мнения на десятки и столетия раньше нашей эпохи. В этом сказывается неверие в живые творческие силы Церкви и неверие в Духа Святого, который пребывает в Церкви и возвещает вечные истины еще не закрепленные церковным сознанием. Не приходится говорить о том, что в православной догматике не все вопросы решены, и что на каждом поколении лежит долг усиленного искания все более усовершенствованных формулировок церковной истины.

Благодаря усилиям всех православных богословов в западноевропейской науке только недавно исчез миф о православии, как об окаменелом 8-м веке. В частности русская богословская наука, получив должную свободу и право исследования, блестяще проявила себя и заняла высокое положение в научных кругах западного мира. Отнимать у православного ученого его неотъемлемое право исследования означало бы, что сами православные признают окаменелость православия и возвращают православную науку в ее первобытное состояние.

Научная работа православных богословов направлена не на критику догматов, а на их богословское усвоение и на расширение церковного сознания путем решения нерешенных и непоставленных еще проблем в пределах догматов нашей православной Церкви. Целью богословской науки является не искание новой церковной истины в порядке отрицания старой, а раскрытие новых ее сторон на незыблемой ее основе. В научной работе богослова, как и во всякой работе, возможны ошибки, погрешности и искажения, но и они имеют свое положительное значение: ставя проблему даже неправильно, они способствуют формулированию истинного

церковного учения. Если бы церковная власть всегда боязливо заглушала богословские мнения, то мы могли бы не иметь даже катехизических формулировок наших догматов. Неточности и погрешности в формулировке учения, еще не получившего в Церкви силу догмата, встречаются у великих древних отцов, признанных учителями Церкви.

Достаточно вспомнить такие имена, как Иустина Мученика, Епифания, великих каппадокийцев, Кирилла Александрийского, блаж. Августина и др. К тому же вряд ли существует такое принуждение, которое могло бы приостановить живые творческие силы Церкви. Некогда перед ними оказалось бессильным все величие римского Кесаря, когда он хотел заставить св. Афанасия отказаться от своего учения, а александрийцам приказывал вообще не заниматься богословскими вопросами.

Как нам ни прискорбно, но мы должны признать последний указ митр. Сергия почти небывалым покушением на право богословского исследования. Кто может взять на себя ответственность за свои мнения, если эти мнения будут объявляться еретическими только потому, что они не совпадают с мнением иерарха, который их осуждает, или что они не разработаны в святоотеческой литературе? При таких условиях богословская наука невозможна.

2. Мы отстаиваем свободу исследования в области богословских дисциплин, но ищем ее не для себя, а для Церкви, и не вне Церкви, а в Церкви. Поэтому мы не избегаем ответственности и всегда готовы дать отчет, какой потребует от нас Церковь. Мы признаем право за всякой поместной Церковью, а тем более за Матерью Церковью, подвергать исследованию, обсуждению и даже осуждению наши мнения. Церковная власть не может не ревновать об истине, не может оставаться безучастной к тому, как воспринимаются богословские теологумены верующими, и имеет долг предостеречь свою паству, если считает нужным, от увлечения богословскими мнениями, еще не признанными Церковью. Мы не только не отрицаем этого права, но в голосе каждой поместной Церкви, даже той, к которой канонически мы не принадлежим, мы видим церковный корректив, столь необходимый для нашей работы. Мы любовно и смиренно принимаем этот голос и ревнуем только об одном, чтобы услышать его от законного форума и законным образом. Мы считаем необходимым соблюдение процессуальных форм не в силу простого формализма: мы видим в них гарантию справедливости суждения от ошибок и пристрастия — недаром наша Церковь сохранила их от далекого времени до настоящего. Наша ответственность перед законным форумом является для нас не только не тягостной, но даже желательной, ибо церковный

форум в исследовании наших трудов имеет ту же задачу, что и мы: выяснение истины.

Нас поражает в акте митр. Сергия, что в нем даже не указан тот форум, который вынес осуждение учению о. Сергия Булгакова. Правда, осуждению придан характер церковного и соборного акта. Оно начинается и кончается словами: «слушали» — «постановили». Между тем соборы в русской Церкви не собираются и согласно определению Патриаршего Местоблюстителя и священного синода при нем от 18 мая 1935 г. за Нр. 56 — синод при митр. Сергии считается упраздненным, тогда как указ датирован 7 сент. 1935 г.

Еще более поражает нас и приводит в смущение процессуальная форма осуждения. Мы бы ожидали узнать из указа о предварительной работе комиссии или о том, что предварительно были запрошены мнения епископата и авторитетных православных богословов. Доклад неизвестному нам форуму сделан самим митр. Сергием не на основании заключения комиссии, которой вообще и не было, и даже не на основании личного знакомства самого автора доклада с научными работами о. Сергия Булгакова. Напрасно искать даже в самые мрачные эпохи истории Церкви примера того, чтобы высшему церковному органу, призванному обсудить богословские мнения ученого автора, был представлен доклад, составленный на основании только рецензии на труды этого автора и на основании кратких и случайных выдержек из его работ, без ознакомления с самим текстом этих трудов. Мы с трудом можем поверить, что митр. Сергей мог использовать, в качестве материала для своего доклада, исключительно только рецензии двух частных лиц, не имеющих никакого церковного сана никаких богословских степеней и трудов и лишенных какого бы то ни было авторитета. Призывая к ответственности о. С. Булгакова, митр. Сергей в момент суда вносит величайшую безответственность, хотя и сам является жертвой безответственности митр. Литовского Елевферия, который в качестве достаточного материала для суждения об учении о. Сергия Булгакова, препроводил митр. Сергию «донесения» упомянутых частных лиц, на основании которого митр. Сергей допустил не только ряд фактических ошибок, в изложении учения о. Сергия Булгакова, но даже приписал ему чужие доктрины, как напр, учение митр. Антония об искуплении.

Наше смущение достигает крайних пределов, когда мы узнаем, что церковный орган, имеющий обсудить этот доклад, принял его и на его основании вынес даже не предварительное решение, а окончательное осуждение. Мы не смеем негодовать, так как

знаем, в каком тяжком положении находится наша великая страдающая Церковь. Но от этого наша скорбь не становится меньше и наша тревога не уменьшается. Мы тревожимся не за себя и не за о. Сергия Булгакова, так как мы находимся, Владыко, в Вашей юрисдикции и под вашей верной защитой и твердо уверены, что Вы не примете этого акта, как не примут его и главы автокефальных церквей. Но мы встревожены за существование богословской науки: что будет с ней, если пример митр. Сергия найдет подражание и будут осуждаться мнения и учения православных богословов только на основании рецензий их трудов.

Наконец, нас удивляет поспешность, с какой этот акт вынесен и опубликован. Казалось бы, что все говорит за то, чтобы повременить с окончательным суждением прежде чем пройдены будут все необходимые фазы выяснения вопроса, в частности и объяснения самого о. С. Булгакова. Эта поспешность была бы оправдана, если бы существовала действительная, хотя бы по мнению митр. Сергия, опасность для его паствы. Мог ли думать митр. Сергей, что такая опасность существует? В современных условиях клиру и мирянам русской Церкви труды о. С. Булгакова неизвестны и потому ни в какой мере ни в ком не могут вызвать смущения. Мы верим, что митр. Сергей ревнует о церковной истине, но почему же он миновал все ее нахождения предварительные моменты? Почему митр. Сергей не выступил с критическим разбором трудов о. Сергия Булгакова? Его высокий авторитет, как первоиерарха русской Церкви и как русского ученого богослова мог бы только способствовать уяснению истины. Мы не знаем, какой церковный орган вынес приговор, а поэтому мы не можем судить, законен ли этот орган или нет. Мы, конечно, признаем митр. Сергия, как законную власть в русской Церкви, но и законная власть может совершать незаконные акты. Мы уже несем тяжесть одного незаконного акта. Мы должны со скорбью констатировать, что высшая власть русской Церкви ставит себя в невозможное положение, когда пытается управлять и направлять церковную жизнь русской заграничной церкви без достаточного осведомления об ее делах и без учета реальной обстановки. Ряд актов этой высшей церковной власти, поспешных и неоправданных с точки зрения действительного положения вещей, способствует не консолидированию церковного мира, а осложнению церковной обстановки и трагическому углублению раздоров и разделений. Последний указ митр. Сергия дает нам еще одно, такое болезненное, показательство бесцельности и неполезности попыток Московской Патриархии управлять делами русской заграничной церкви, жизнь которой

остаётся ей неведомой по непреодолимым для нее причинам. Мы не имеем намерения подрывать авторитет главы русской Церкви. Наоборот, всячески стараемся его поддерживать даже тогда, когда несем на себе всю тяжесть несправедливости, причиненной нам, и стараемся искать облегчения наших скорбей в том, что будущий поместный собор свободной русской Церкви, в котором и мы примем участие, разрешит все недоразумения и отменит все неоправданные и несправедливые акты высшей церковной власти.

3. Хотя мы и принадлежим к разным научным школам и направлениям, но мы коллеги и соратники о. Сергия Булгакова в области богословской науки. Поэтому мы не можем остаться равнодушными к тем обвинениям, которые ему предъявляются. Для всех нас, как и для о. Сергия Булгакова, желательна всякая критика наших богословских мнений, за исключением только той, которая прибегает к аргументу ереси для того, чтобы насильственно удушить мысль, а не выяснить вопрос. Мы с негодованием отвергаем всякое обвинение, кем бы оно ни было сделано, в том, что мы, как и о. Сергей Булгаков, имеем в наших специальных, научно-богословских исследованиях, хотя бы какую-нибудь злую волю направленную на отвержение догматов Церкви, ее подлинного Предания. Тем же, кто привык видеть истину Православия заключенной в школьных компиляциях вчерашнего дня, весьма часто составленным по неправославным источникам, мы напоминаем знаменитые слова св. Киприана: “*Consuetudo sine veritate vetustas erroris est*”^{*}.

Мы даже не считаем нужным — настолько это ясно — особо свидетельствовать, что все мы содержим догматы нашей православной Церкви. Мы не только православные ученые, но верные сыны нашей Церкви. Мы в Ней живем, в Ней черпаем силы и дерзновенно верим, что Ей служим нашей научной работой. Но быть православным ученым без права исследования, которое включает возможность ошибок, мы не можем, так как без этого вообще не может быть никакой науки.

Мы почтительнейше осмеливаемся довести до сведения Вашего Высокопреосвященства, нашего епископа и ректора, вышеизложенные мысли и чувства, которые нас волнуют и объединяют, ища в Вас авторитетной поддержки в нашей научно-богословской работе на пользу Церкви.

Комиссия преподавателей Православного Богословского института в Париже.

* «Традиция, не основанная на истине, есть лишь застарелая ошибка».

Следуют подписи:

Игумен Кассиан,
А. Карташев,
Г. Федотов,
Б. Вышеславцев,
В. Зеньковский,
В. Ильин,
В. Вейдле,
Б. Сове,
Н. Афанасьев,
Л. Зандер,
Иеромонах Лев (Жиле),
П. Ковалевский

